EDN: GMXTPB УДК 94(47).073

«Прискорбно, печально и горько на сердце патриота»: Русско-японская война в письмах к святому Иоанну Кронштадтскому

Орлов Максим Александрович
кандидат исторических наук, Петербургский лицей. Россия, г. Киров.
E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Аннотация. Русско-японская война 1904–1905 гг. стала многомерным конфликтом, в котором тесно переплетались военные события и внутриполитическое развитие Российской империи. В статье впервые вводятся в научный оборот письма к Иоанну Кронштадтскому, написанные ему в связи с событиями Русско-японской войны. В историографии корреспонденция Иоанна Кронштадтского, связанная с событиями данной войны, еще не изучена. Большое количество писем, отправленных к Иоанну Кронштадтскому во время войны с Японией, было обусловлено значительным авторитетом этого священника, который он приобрел на рубеже XIX–XX вв. В проповедях и письменных посланиях Иоанн Кронштадтский регулярно обращался к событиям на Дальнем Востоке, формировал у людей свое видение противостояния России и Японии. Поэтому у авторов писем часто встречаются схожие взгляды на войну. Анализ документов позволил выявить образы войны: России, Японии, императора и самого Иоанна Кронштадтского. Восприятие военного конфликта является своеобразным зеркалом, в котором отражаются представления авторов писем о власти и духовенстве (на примере Иоанна Кронштадтского). Показано, что в начале XX в. большинство людей имело смутное представление о Японии. Русско-японская война была тесно связана с революционными событиями 1905 г. Поэтому корреспонденты Иоанна Кронштадтского сопоставляли Русско-японскую войну с Первой русской революцией. Особенностью писем является то, что в них почти отсутствует критика властей за неудачи в войне с японцами. Поражения рассматриваются как Божие наказание за грехи народа. Такой взгляд на войну был характерен для самого Иоанна Кронштадтского.

Ключевые слова: Русско-японская война, Иоанн Кронштадтский, Порт-Артур, военная психология, образ войны.

Военные конфликты остаются неотъемлемой частью жизни, поэтому их изучение является актуальным для современного общества. Чем дальше развивается «цивилизация», тем болезненнее ощущается веяние войны, которая слабо сопоставима с удобствами развитой культуры. Можно согласиться с мнением Е. С. Сенявской, утверждавшей, что XX в. стал «апогеем человеческой воинственности». Исследователь отмечает, что, вопреки всем прогнозам гуманистов, будто с прогрессом цивилизации разрушительные формы взаимоотношений в человеческом обществе постепенно сойдут на нет, не оправдались [17, с. 3]. Действительно, технический прогресс не внес умиротворения в души людей. Распространение демократических ценностей во всем мире не сформировало единого гражданского общества. Как и в начале XX в., когда на Дальнем Востоке сражались русская и японская армии, так и сейчас в современном обществе сохраняется разделение на «своих» и «чужих».

В современной историографии восприятие современниками Русско-японской войны является востребованной темой исследования. Прежде всего, стоит отметить работы Е. С. Сенявской, которые стали флагманом в изучении психологии войны. Большое внимание уделено психологии комбатантов [17; 18]. Заслуживают внимания исследования о формировании образов войны современниками событий, не являвшихся непосредственно участниками военных конфликтов [2; 4; 11; 23].

Вопрос об участии святого Иоанна Кронштадтского в Русско-японской войне исследован недостаточно. Изучены патриотические проповеди о. Иоанна, сказанные пастырем в поддержку царского правительства [1, с. 725–729; 5, с. 76; 8, с. 305; 19]. В работе М. И. Одинцова особо подчеркнута важность взаимодействия Иоанна Кронштадтского с адмиралом С. О. Макаровым в отношениях между Церковью и военным руководством [12, с. 79–86]. В богатой фактическим материалом работе И. К. Сурского «Отец Иоанн Кронштадтский» сохранились воспоминания офицеров о молитвенной помощи о. Иоанна во время боевых действий с япон-

© Орлов Максим Александрович, 2026

цами [22, с. 385]. Таким образом, в историографии письма и телеграммы к Иоанну Кронштадтскому, написанные ему в связи с Русско-японской войной, не были темой отдельного исследования.

В настоящем исследовании основной источниковой базой является тематическое дело под № 50 «Переписка о русско-японской войне» [30]. В данном деле проанализировано 58 писем. Кроме того, письма и телеграммы, связанные с войной, содержатся в других делах фонда [26; 27; 29]. Всего для написания статьи использовано 61 письмо (среди них есть и телеграммы). Сам факт группировки писем в отдельное архивное дело показывает, что объем корреспонденции, связанной с событиями Русско-японской войны, был достаточно внушительным. Отметим, что в тематических делах фонда отложилось различное количество писем. В некоторых папках имеется не более десяти писем [31], в других – несколько сотен [25; 26]. В деле, которое содержит письма и программы монархических и черносотенных организаций, из почти пятидесяти документов только половина является рукописями, остальные – программными документами и листовками политических партий [28].

Богатый фонд писем к Иоанну Кронштадтскому имеет большой потенциал для пополнения знаний по заявленной теме. В основном это частная корреспонденция, отличающаяся от деловых бумаг. В письмах к Иоанну Кронштадтскому отражены непосредственные эмоции, которые испытывали родственники людей, так или иначе связанных с войной на Дальнем Востоке. Этим частная корреспонденция отличается от официальных документов (например, адресов на «Высочайшее имя»), в которых авторы, как правило, были лаконичны при изложении своих мыслей, скрывая свое отношение к проблемам современности. Напротив, письма к священнику свободны от условностей, не проверялись (насколько известно) цензурой.

Авторы писем к Иоанну Кронштадтскому принадлежали к различным социальным категориям. Вполне ожидаемо встретить много писем от военных. Не всегда можно выявить звание военного. Так, ветеран Крымской войны Захарий Наговский пишет, что он «бывший нахимовской школы моряк» [30, л. 12об.]. В другом письме подписано еще боле неопределенно: «Штаб войск» [30, л. 2]. В некоторых случаях авторы указывали свое звание: «подполковник Винтер» [30, л. 16], «Есаул Туношевский» [30, л. 37]. Имеются телеграммы от рядовых солдат [30, л. 32]. Так как любая война затрагивает не только военных, но и гражданских лиц, то корреспонденция о. Иоанна пополнялась письмами от родственников и знакомых солдат. Однако многие адресанты либо вовсе не подписывали своего имени, либо указывали только имя без фамилии и сословной принадлежности. Поэтому определить социальный состав в данном случае непросто. Впрочем, это характерно для большинства документов фонда Иоанна Кронштадтского. Есть письма, посланные от имени великой княгини Елизаветы Федоровны и «Государыни Императрицы Александры Федоровны» [30, л. 25]. Среди адресатов были лица духовного звания. Архимандрит Гавриил из Уфы просил о. Иоанна молитв о воинах Златоустовского полка [30, л. 35].

На рубеже XIX–XX вв. в России Иоанн Кронштадтский являлся одним из наиболее влиятельных священнослужителей. Город Кронштадт в это время стал местом паломничества, куда стекались тысячи людей со всей России. Иоанн Кронштадтский совершал поездки по разным городам Российской империи. Многие благотворительные организации России просили о. Иоанна стать их почетным членом. В годы первой русской революции этот пастырь вступил в различные монархические партии. С Иоанном Кронштадтским вели переписку высокопоставленные лица империи. Вполне естественно, что от позиции этого человека в Русско-японской войне зависело умонастроение людей.

Тема войны с Японией стала неотъемлемой частью проповедей и литературных трудов Иоанна Кронштадтского. Даже в богослужебной практике пастыря появлялись молитвы о прекращении войны на Дальнем Востоке. В молитвах о. Иоанн взывал: «Но ныне молю Тебя усердно – укроти брань японцев, проливающих реки крови человеческой, – и смятенной крамолами России даруй умиротворение!» [6, с. 168]. Иоанн Кронштадтский распространял воззвания к воинам, в которых призывал стоять «за веру, царя и отечество» [1, с. 728]. Молитвы и проповеди Иоанна Кронштадтского, так или иначе связанные с Русско-японской войной, стоит расценивать как своего рода поучения для народа, способствовавшие утверждению идеи незыблемости царской власти, необходимости бороться с врагами царя, как внутренними, так и внешними. Эти призывы были услышаны. Из писем к пастырю известно, что солдаты, находившиеся на Дальнем Востоке, читали его послания [30, л. 43].

Если в публичных выступлениях Иоанн Кронштадтский всемерно старался поддержать царское правительство, то в частной жизни он мог критиковать действия чиновников. Так, в

своем дневнике о. Иоанн пишет, что в стране не оказалось людей, способных построить надежные военные корабли. В этом он видел одну из причин поражения России в войне с Японией: «Послали на войну с японцами на смех; суда потеряли, войну проиграли». Другой причиной поражения, по мнению пастыря, была плохая подготовка офицеров и низкий уровень патриотизма: «...способных офицеров нет как нет, а главное – охоты к делу, патриотизма, да религии в будущих моряках не предвидится». Отец Иоанн пишет, что российскому правительству стоило бы обратиться к опыту Англии и Германии: «Подготовьте сначала любящих Россию и Бога и преданных всем сердцем делу офицеров, как в Германии и Англии. Послушайте вы умных речей императора Вильгельма[1]…» [16, с. 297]. В другом месте пастырь критикует действия генерала А. Н. Куропаткина [7, с. 44]. Таким образом, дневниковые записи позволяют лучше понять взгляды Иоанна Кронштадтского на события Русско-японской войны. Стоит думать, что это не доказательство противоречия во взглядах о. Иоанна, а иллюстрация исторической действительности, когда действовала цензура, не позволявшая вносить критику в публичную сферу. Вполне возможно, что, будучи патриотом, Иоанн Кронштадтский не хотел создавать из власти мишень для революционеров, подливать масла в огонь, которое и так лилось на царское правительство как из рога изобилия.

Как только началась война с Японией, на имя Иоанна Кронштадтского люди из разных мест России стали посылать письма и телеграммы. В основном в них содержались просьбы напутствовать воинов на ратный подвиг, помолиться о родственниках и близких людях. 17 февраля 1904 г. пастырю пришло письмо, в котором автор, называя о. Иоанна «Всероссийским молитвенником», пишет, что его два сына отправились на Дальний Восток, куда они «неудержно стремятся» [30, л. 15]. Из Читы от подполковника Винтера на имя о. Иоанна пришла телеграмма следующего содержания: «Отправляемся в действующую армию. Почтительно прошу Вашего благословения» [30, л. 16]. В другой телеграмме есаул Туношевский пишет: «Глубокочтимый отец Иоанн, прошу Вас помолиться и благословить меня. Отъезжаю завтра на войну» [30, л. 37]. Таким образом, Иоанн Кронштадтский ассоциируется как всероссийский пастырь, а не только как приходской священник города Кронштадта. К началу войны этот образ был уже весьма устоявшимся.

Люди, писавшие о. Иоанну, глубоко верили, что молитва пастыря защитит воинов на поле брани. Елена Гоппе пишет: «У Бога все возможно для верующих людей». Она верит, что те воины, о которых молится Иоанн Кронштадтский, «спасаются» и переносят все тяжести войны [30, л. 38об.]. Одна мать (оставшаяся безымянной) отмечает, что ее сын в «ужасных» Мукденских боях остался невредим благодаря молитвам о. Иоанна [30, л. 42]. Анна Терликова также верит с силу молитвы о. Иоанна. При этом пишет, что ее сын был храним «милостию Господа, Царицы Небесной и святителя Николая» [30, л. 44]. Этот момент заслуживает внимания. В письмах к Иоанну Кронштадтскому авторы редко упоминают о молитвенной помощи прославленных святых, например святителя Николая Чудотворца. Чаще всего люди просят помолиться Богу и Божией Матери. Евфимий из Саранска пишет, что неудачи под Порт-Артуром происходят из-за того, что туда не была доставлена икона «Торжество Пресвятыя Богородицы», написанная в Киево-Печерской лавре. Он умоляет о. Иоанна, чтобы пастырь содействовал доставлению иконы в Порт-Артур, иначе «за ослушание и нерадение» в доставлении святыни русская армия будет разбита японцами [30, л. 27].

В письмах прослеживается еще один образ Иоанна Кронштадтского. Люди воспринимают его как пастыря, который может оказывать влияние на политику государства. Некоторые авторы писем были уверены в том, что о. Иоанн имеет доступ к императору, может и должен давать царю советы по управлению страной. В мае 1905 г., когда война с Японией была в самом разгаре, на имя о. Иоанна пришло письмо от иеромонаха Гиацинта. Он пишет, что знает об одном «военном секрете» и готов рассказать о нем только Иоанну Кронштадтскому и государю императору. Что это был за «секрет», в письме не говорится, но иеромонах верил, что с его помощью можно будет победить японцев [27, л. 2]. Ветеран Крымской войны Захарий Наговский считал, что Иоанн Кронштадтский может оказывать влияние на цензурную политику государства. Он просил батюшку сделать все возможное, чтобы в газетах больше не писали о поражениях русской армии [30, л. 12об.].

[1] Речь идет о германском императоре Вильгельме II (1888–1918). Интересно отметить, что это был, пожалуй, единственный европейский монарх, который удостоился от Иоанна Кронштадтского лестной характеристики. В основном о. Иоанн в своих дневниковых записях весьма критично относился к европейским правителям.

Представление, что Иоанн Кронштадтский оказывал влияние на государственную политику, несколько наивно. В связи с этим важно следующее. Несмотря на хорошие связи с государственными и военными деятелями, о. Иоанн никакого влияния на политическое руководство не оказывал. Н. Б. Киценко подчеркивает, что мысль об особой близости Иоанна Кронштадтского к царской семье является мифом, так как он не имел прямых связей с царствующим домом [8, с. 147]. Иоанна Кронштадтского почитали в придворных кругах, но никому в голову не приходила мысль сделать его «серым кардиналом». Тем не менее современники смотрели на Иоанна Кронштадтского как на советника монарха. В 1903 г. один рабочий отправил батюшке письмо, в котором просил, чтобы о. Иоанн донес до царя весть о тяжелом положении рабочих. Автор письма называет пастыря «ближайшим советником» государя, надеется, что такой статус позволит повлиять на политику государства в отношении рабочих [24, л. 23об.]. Подобные письма приходили к о. Иоанну и впоследствии. Поликарп Косцов из области Войска Донского просил батюшку, чтобы он явился к царю и просил его сохранить самодержавие, ограничив полномочия Государственной думы [28, л. 20].

Русско-японская война оценивалась авторами писем к о. Иоанну как «тяжелая», «ужасная», «страшная несчастная война» [30, л. 40, 43, 67]. Один военный пишет, что он с содроганием смотрит на потери русских воинов, и задается вопросом: не зря ли началась эта война? [30, л. 79об.]. Уже упомянутый ветеран Крымской войны Захарий Наговский воспринимает войну с Японией как неслыханную дерзость со стороны «блох-японцев» и с горечью пишет: «Прискорбно, печально и горько на сердце патриота, да еще любящего свое отечество, как Бога и радеющего о славе его! Да, этот факт заставит всех наших врагов, и внешних и внутренних, задрать носы вверх и кричать: когда какие-то блохи японцы покусали Россию, то что же мы сможем сделать с нею?» На Наговского, судя по его письму, Русско-японская война оказала сильное эмоциональное воздействие. Он вспоминает, как Павел Степанович Нахимов дерзновенно напал на турецкий флот, не дожидаясь атаки со стороны врага. Наговский сравнивает этот славный эпизод в истории русского военного флота с нападением японцев на Порт-Артур, когда русские не смогли отбить врага. Он пишет: «…сердце мое облилось кровью, а лице горячими слезами о стыде родины моей… Я, старый, бывший моряк, не могу постичь того… что на Дальнем Востоке плавают наших сто шестьдесят вымпелов, и вдруг допустить, чтобы какие-нибудь 15 судов японских осмелились подойти… к Порт-Артуру и бомбардировать его» [31, л. 12]. Наговский свысока смотрит на русскую армию и флот начала XX в. Его критика во многих отношениях справедлива (в частности, несогласованность действий, противоречия между военным министром А. Н. Куропаткиным и адмиралом Е. И. Алексеевым), однако стоит учесть, что Крымская война также оказалась неудачной для России. Поражения в Русско-японской войне были вызваны не только неумелыми действиями военного руководства. Как и перед Крымской войной, в начале XX в. российская дипломатия недооценила международную обстановку, когда главный враг (как и в Крымскую войну) имел влиятельных союзников. Не стоит сравнивать эти войны. Нужно только учитывать, что военное и дипломатическое руководство при Николае I допустило немало ошибок. Аналогичные просчеты были на рубеже XIX–XX в. Поэтому письмо ветерана Крымской войны несет большой отпечаток субъективизма.

По мнению Павла Гоппе, война с Японией являлась «неслыханной в истории» [30, л. 53]. Иные считали, что эта та война, в которой России «феноменально не везет» [30, л. 60]. Ольга Бурачек смотрит на войну с библейской точки зрения, как «испытание всей России», посланное на страну Господом. Ее слова «на то была воля Божия» напоминает знаменитую лермонтовскую фразу о неизбежности войны: «Когда б на то не Божья воля» [30, л. 19]. Такой взгляд совпадал с мыслями самого Иоанна Кронштадтского, который регулярно подчеркивал, что война с Японией является наказанием Божиим за грехи народа [5, с. 76].

В письмах к Иоанну Кронштадтскому некоторые авторы подчеркивали, что неудачная и тяжелая война полезна России, ибо принесет с собой очищение от недуга неверия и ненужного заимствования западной модели общественного развития. Елена Гоппе пишет о. Иоанну, что война с Японией послужит только «на благо России» [30, л. 38об.]. Ее муж, Павел Гоппе, в письме от 1 декабря 1904 г. отмечал, что война с Японией приносит духовную пользу: «Она научила молиться Богу, бросить сквернословие, одеть на шею крест и осенять себя крестом». Павел добавил, что в «мирное время» это редко случалось [30, л. 53]. Схожие мысли о пользе войны высказал Федор Тимофеев (Гайсинский уезд Подольской губернии). В своем письме по поводу происходивших в России революционных событий 1905 г. он высказал свои пережи-

вания в связи с распространением неверия и толстовства, увлечением западноевропейскими учениями о представительстве. Тимофеев считает, что «Бог естественно через Японца обращает наше внимание на Восток». Он надеялся, что обращение к «Светлому Востоку» избавит Россию от «темного запада» [28, л. 12]. Интересно, что эта мысль выражена жителем одной из западных губерний Российской империи.

Некоторые авторы писем считали, что события войны говорят о начале конца мира. Штабс-капитан Владимир Александрович Самонов из Минской губернии прислал о. Иоанну письмо, в котором сообщал, что во время Русско-японской войны он стал чаще размышлять над «Апокалипсисом» св. Иоанна Богослова. Военный считал, что причины происходящих событий люди ищут не там, где нужно. Он рассуждал так: не стоит искать виновных, как это делает большинство русских людей, а лучше глубже взглянуть в книгу «Откровения» и в ней разгадывать тайный смысл происходящего [30, л. 67]. Письмо Самонова примечательно тем, что оно показывает, каким образом события войны могли восприниматься людьми с чуткой религиозной интуицией. Как отмечает Самонов, апокалиптические мысли пришли к нему после получения известия о поражении русской армии под Мукденом. Он открыл «Апокалипсис» и стал внимательно изучать его, сопоставляя священный текст с событиями на Дальнем Востоке. Офицер был убежден, что сам Бог навел его на мысль читать эту священную книгу: «Он всемогущей рукой не допустил мне кончить жизнь свою в награду за пережитое, показал мне страницы откровения Св. Иоанна, в котором я, по крайнему своему разумению, вижу ясное и почти дословное подтверждение всего происходящего перед нашими глазами. Сначала я как-то многому не верил, многое мне было непонятно по тайному своему смыслу, но, когда я вдумывался, сопоставляя перед собой действительность со словами пророчеств, мне непонятным образом раскрывался тайный смысл этих слов, и я убеждался в правдивости и полной соответственности откровений Св. Иоанна с происходящими событиями на Дальнем Востоке» [30, л. 67об.].

Самонов был не одинок в таких рассуждениях. Схожую оценку находим в другом письме к Иоанну Кронштадтскому. Неизвестный автор пишет, что «междоусобные войны», война с Японией только подтверждают евангельские слова о «последних временах», когда «люди будут истреблены друг другом» [28, л. 11]. Генерал и военный министр А. Н. Куропаткин, по словам французского историка Марлен Ларюэля, представлял революционные события 1905 г. и войну с Японией «в апокалиптическом духе», как «бой, в который вступает христианство перед угрозой нового монгольского ига» [10, с. 584].

Представление о Японии в письмах к Иоанну Кронштадтскому основывается на убеждении, что это далекая и непонятная страна, «азиатская» и «языческая». Находившийся в Амурской области Владимир написал Иоанну Кронштадтскому, что его с семьей отправили «на далекую окраину». Он просил пастыря, чтобы Господь сохранил его семью в этом «далеком краю» [30, л. 51]. В письмах к Иоанну Кронштадтскому нет подробной информации о культуре и истории Японии. Это неудивительно, ведь даже такой интеллектуал, как А. С. Суворин, признавался, что до войны мало что знал о Японии [15, л. 2]. И только война заставила его много прочитать про эту страну [21, с. 59]. Тем не менее он называл Японию «неизвестным человеком», «новой величиной» для России [21, с. 59]. Если Суворин мало знал о Японии, то что говорить о простонародье? С. А. Новикова пишет: «Массовый русский читатель имел слабое представление о Дальнем Востоке и плохо понимал цели войны с Японией» [11, с. 90]. Духовенство Орловской губернии обратило внимание на то, что народ ничего не знает о Японии, Китае и Корее. Эти названия «для простого человека необычные, почти сказочные» [23, с. 113].

Смутное представление о Японии было не только у простого обывателя. В историографии отмечается, что в российском руководстве слабо разбирались в геополитической ситуации на Дальнем Востоке [20, с. 1024]. Несмотря на смену внешнеполитического вектора в направлении Дальнего Востока, строительство железнодорожных дорог в данном регионе, увеличение численности переселенцев, правительство не предпринимало значимых шагов для изучения культуры Японии и ее политического строя. Напротив, руководство Японии хорошо изучило будущего врага. Эта деятельность была важной частью подготовки к войне [20, с. 1024]. Как показали дальнейшие события, Япония смогла оптимально реализовать свои планы нанесением поражений российским войскам.

В целом отношение к Японии было не столько враждебным, сколько презрительным. Это было связано с тем, что японцы воспринимались как «язычники» (противопоставление христианству), представители малоразвитой культуры (в отличие от европейской) и как

главные противники России на Дальнем Востоке. В российском обществе популярной стала идея о культурной миссии России на Востоке, о том, как «белый царь» защищает Европу от «желтой опасности» [11, с. 88]. Начавшаяся война только спровоцировала рост антиазиатских настроений в российском обществе [20, с. 1025].

Японцы изображаются единой массой, которая воспринимается как чуждая для России этническая общность. В письмах к Иоанну Кронштадтскому японцы назывались «блохами», «азиатами» и «язычниками» [30, л. 12, 67, 79]. Так как Япония страна «языческая», то в плен к японцам попадать было нельзя. Автор одного из писем к о. Иоанну пишет, что в плену у японцев-язычников «мучают, а может быть и пытают» [30, л. 74]. Люди, писавшие о. Иоанну, просили его молиться не только о том, чтобы не погибнуть в боях, но чтобы не попасть в плен к такому врагу, как японец [30, л. 38].

Данное восприятие Японии основывалось на ассоциации Востока с язычеством и варварством, противопоставлении его «цивилизации» в лице Европейской России. Образ Востока как «желтой опасности», по словам исследователя, стал на рубеже XIX–XX вв. «устойчивым элементом европейских страхов» [10, с. 579]. Хорошо знавший общественное мнение А. С. Суворин выражал общий взгляд на японцев как на «глупых» и «наглых противников», «азиатов настоящих» и, конечно, «язычников» [21, с. 34, 36]. В другом месте Суворин пишет: «…вдруг дьявол поднялся на Востоке… Дьявол притворился смирным, поджал хвост, опустил рога и, высунув на бок лживый язык, моргал кривыми глазами, в которых светился зеленый огонь. Цивилизованный дьявол, приятный, скромный дьявол, – думали мы. А он подкрался и выпустил горячее пламя, и оно обдало нас и обожгло» [21, с. 46]. Иными словами, Япония – это не просто «языческая» страна, но страна антихристианская, образ тьмы.

Сказанное выше вовсе не означает, что Япония на рубеже XIX–XX вв. была страной, не имевшей культурных связей с Россией. Со второй половины XIX в. в Японии действовала русская православная миссия во главе со святителем Николаем (Касаткиным). Появилась японская православная община. В фонде Иоанна Кронштадтского сохранилось письмо студента Киевской духовной академии Ивана Кавамото, который просил пастыря помолиться о его сестре Софье. Она приняла святое крещение, хотя ее муж остался в прежней вере [29, л. 106об.]. Однако на общем фоне это были исключения.

Е. С. Сенявская отмечает, что со временем, по мере приобретения знаний о противнике, стереотипы о Японии сменялись более трезвой оценкой [17, с. 314–315]. Это же самое просматривается в письмах к Иоанну Кронштадтскому. Военные с уважением относились к японским солдатам. Они называли их «храбрыми» и «отчаянными» [30, л. 42об.]. И другие современники признавали, что японцы являются неплохими воинами. Японцы – это «хитрые, сильные и храбрые враги» [13, с. 35]. Ни в одном письме к о. Иоанну не выявлено уничижительной характеристики воина-японца. Некоторые даже опасались японцев. Ветеран Крымской войны Захарий Наговский в письме к Иоанну Кронштадтскому вспомнил высадку в Крыму англо-французского десанта. Он опасался повторения этой истории на Дальнем Востоке: «Что если также допустят японцев высадиться у нас где-либо, как высадились англо-турки-французы в Евпатории?» [30, л. 12]. Вновь вернемся к Суворину, который понимал, что расовые различия («белые» и «желтые») не играют никакой роли, если в государстве происходит военная модернизация. Он пишет, что Япония напоминает Россию при Петре I, и приходит к такому выводу: «…перед нами серьезный противник» [19, с. 59].

Россия воспринималась как «дорогая родина» и «Святая Русь» [30, л. 38об., 40]. Заметим, что образ России как дорогой и многострадальной родины встречается во многих письмах к о. Иоанну, не связанных с Русско-японской войной. Можно встретить сопоставление России с «многострадальной матушкой» [25, л. 34]. Выражение же «Святая Русь» употреблялась, как правило, людьми правых взглядов, писавших к о. Иоанну в годы революции 1905 г. [28, л. 19]. В письмах к Иоанну Кронштадтскому о Русско-японской войне отчетливо прослеживается образ России как страны богохранимой, которая находится под покровительством Богоматери. Евфимий (возможно, монах) убеждал о. Иоанна, что японцы будут разбиты только тогда, когда в Порт-Артур будет доставлена икона «Торжество Пресвятыя Богородицы», явленная во время Крымской войны [30, л. 27].

В письмах к святому Иоанну Кронштадтскому прослеживается определенный образ российского императора и России. Слова «царь», «Родина» и «Отечество» воспринимались как синонимы [30, л. 38, 40, 62]. Чаще всего фигурирует слово «царь». Слова одного круга: «царь», «царствующий», «император» – употребляются 10 раз. Слово «Россия» встречается намного

реже – всего четыре раза, а «Святая Русь» только один раз. Слова «Родина», «Родная земля» – шесть раз, а «Отечество» – два раза [30, л. 11, 18об., 12, 32, 37, 42, 44, 49–50об., 52, 63, 83][2]. В письме неизвестной женщины слово «царь» употреблено сразу три раза [30, л. 49–50об.]. Здесь восприятие государства основано не на размытом понятии гражданской Родины. Авторы писем видят во власти конкретную, персонифицированную большую семью во главе с царем. Подобные сопоставления России с «царем-батюшкой» были обычным явлением того времени. Один солдат, отправляясь на войну с Японией, говорил священнику, что желает победить врага-японца («супостата»), «да возрадуется нам Царь-Батюшка» [23, с. 115]. В благодарственных письмах-адресах начала XX в., направляемых на имя императора, люди по патриархальному именовали себя «детьми», а царя – своим «отцом» [14, л. 94]. Согласно исследованию Н. А. Коноваловой, слова «царь», «царь-батюшка» являлись устойчивыми в их восприятии политической системы Российской империи. Такой символ власти, как «царь-батюшка», выступает в качестве основной характеристики власти в крестьянском представлении [9, с. 121–123].

Иоанну Кронштадтскому чаще всего писали люди, настроенные патриотично. Любовь к Отечеству неизменно связывалась с идеей служения Богу и царю. В корреспонденции о. Иоанна сохранился приказ инспектора госпиталей, адресованный военным: «Каждый безропотно, с честью неси свой крест. Бог, – Царь, – Служба, – Любовь: – вот Св. заветы истинного и верного слуги Государя!» [30, л. 62]. Анна Терликова, мать воина Евгения, характеризовала своего сына как «истинного воина и слугу Отечества и Царя». В ее письме нельзя не увидеть переживание за сына, так как он долгое время находился на войне. Однако она доказывает о. Иоанну, что ее сын «без ропота и жалобы нес свой крест» [30, л. 44]. Одна женщина пишет о своем муже, уехавшем добровольно на войну с Японией, что своими речами (видимо, был лектор. – *Авт.*) он поднимал боевой дух матросов. Эта женщина пишет о муже с особым эстетическим подъемом: «Мой муж страшный патриот, за Царя и родину готов на все» [30, л. 49].

В письмах почти отсутствует критика армии и военного руководства России. Несмотря на тяготы войны, солдаты хотели воевать против японцев [30, л. 15]. Даже в тяжелые для России дни весны 1905 г. люди верили, что победа (по молитвам о. Иоанна) будет за Россией [30, л. 39]. Согласно воспоминанию участника Русско-японской войны П. И. Изместьева, одним из главных мотивов участия в этой войне была «ненависть к врагу» и «чувство любви к отечеству» [17, с. 59]. Авторов писем к о. Иоанну нельзя заподозрить в сервилизме, в маскировании собственных чувств. Такое обычно наблюдалось, когда люди обращались к высокопоставленным чиновникам и, чтобы получить искомое, драпировали свои прошения словами «обожаемый монарх», «верный слуга» и т. д. Однако письма к Иоанну Кронштадтскому – это частная корреспонденция, в которой духовных запросов больше, чем материальных. Люди, писавшие о. Иоанну, были вполне искренни.

Мир с Японией, судя по письму Петра Рогозинского из Тюмени, воспринимался как милость Господня. Речь шла, конечно, не о содержании статей Портсмутского договора, а о том, что тяжелая война закончилась: «Мир благостей Господних дарован нашему изстрадавшемуся отечеству к великой радости нашего возлюбленного Государя и всех истинно русских людей» [28, л. 22]. С. Добронравов послал Иоанну Кронштадтскому флаг, сшитый из русского и китайского. Это знамя, по мнению Добронравова, символизирует не только дружбу двух стран, но и мир и любовь между народами. По всей видимости, этот военный не был сторонником продолжения войны с Японией, так как в своем письме много говорит о мире, а войну оценивает критически [30, л. 79–81]. Согласно исследованию Громыко и Буганова, военные перенесли известие об окончании войны с терпением, стыдились возвращаться побежденными [3, с. 526].

Рассмотренные документы позволяют проследить представления авторов писем к Иоанну Кронштадтскому о Русско-японской войне. В отличие от газетного материала, в котором главное внимание уделялось пропагандистской кампании против «желтых», в письмах к о. Иоанну центральное внимание уделено религиозным вопросам. В рассмотренных документах прослеживаются распространенные представления о Японии как «языческой», неизвестной вражеской стране, однако акцент смещен в иную сторону: авторы писем больше думают о

[2] При подсчете не учитывалось слово «императрица», так как оно употреблялось в письмах, посылаемых секретарями вдовствующей императрицы Александры Федоровны и императрицы Александры Федоровны. В них не было ассоциации со страной (л. 20, 25).

своих близких и родственниках, оказавшихся на Дальнем Востоке, чем о роли России в «просвещении» азиатов.

В письмах к Иоанну Кронштадтскому мало фактов и описаний боевых действий, отсутствуют характеристики участников боевых действий. В рассмотренных документах за редким исключением имеются аналитические рассуждения об основных событиях войны, ее причинах или поражениях. С другой стороны, они отражают умонастроения людей. Война воспринимается как неизбежная, как воля Божия о России.

Приведенные документы показывают, что люди, писавшие о. Иоанну, связывали Русско-японскую войну с начавшейся революцией. Стоит учитывать, что авторы писем, как правило, не были представителями левых и либералов, поэтому у них нет пораженческих и революционных настроений. Если и присутствует критика, то она касается скорее технических моментов. Захарий Наговский, негодуя по поводу поражений русской армии, рассуждает о том, как лучше поступать командованию, а не о том, какие просчеты были сделаны военным и политическим руководством страны.

Список литературы

1. *Большаков Н. И.* Источник живой воды. Жизнеописание святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. СПб. : Царское дело, 1995. 855 с.

2. *Воробьева Э. А.* «Прекрасная страна Япония, прекрасная страна Россия»: формирование и восприятие образа врага // Идеи и идеалы. 2018. № 1, т. 1. С. 164–182.

3. *Громыко М. М., Буганов А. В.* О воззрениях русского народа. М. : Паломник, 2000. 541 с.

4. *Жукова Л. В.* Восприятие Японии в России накануне Русско-японской войны // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия : сб. ст. М. : РОССПЭН, 2002. Вып. 2. С. 341–356.

5. *Ильяшенко Ф. А.* Отец Иоанн Кронштадтский в восприятии современников : дис. … канд. ист. наук. М., 2004. 225 с.

6. Иоанн Кронштадтский. Путь к Богу // Иоанн Кронштадтский : сб. / сост.: В. А. Десятников. М., 1992. С. 129–176.

7. Иоанн Кронштадтский. Неизданный дневник. Воспоминания епископа Арсения об отце Иоанне Кронштадтском. М. : Благотворительное братство во имя Всемилостивого Спаса, 1992. 59 с.

8. *Киценко Н. Б.* Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 390 с.

9. *Коновалова Н. А.* Образ самодержавия в представлениях русского крестьянства по фольклорным материалам // Вестник Омского университета. 2007. № 4. С. 121–126.

10. *Ларюель М.* «Желтая опасность» в работах русских националистов // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие : междунар. ист. сб. / под ред. О. Р. Айрапетова. М. : Три квадрата, 2004. С. 579–591.

11. *Новикова С. А.* Образ войны в военных корреспонденциях и публицистике Вас. И. Немировича-Данченко в период русско-турецкой (1877–1878) и русско-японской (1904–1905) войн: сюжеты и роль общественных стереотипов в его формировании // Вестник ПСТГУ. Серия История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 1 (56). С. 84–96.

12. *Одинцов М. И.* Иоанн Кронштадтский. М. : Молодая гвардия, 2014. 349 с.

13. Пребывание иконы «Торжество Пресвятые Богородицы» в гор. Владивостоке и отправления ее в Порт-Артур // Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. № 2. С. 31–36.

14. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2290.

15. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 470.

16. Святой праведный Иоанн Кронштадтский : дневник. Т. 26. М. : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2020. 343 с.

17. *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М. : РОССПЭН, 1999. 382 с.

18. *Сенявская Е. С.* Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 7–16.

19. *Сербиненко В. Г.* Война в воззрениях святого праведного Иоанна Кронштадтского // Традиции и новации в современном культурно-образовательном пространстве вектор развития : сб. материалов науч.-практ. конф., Шуя, 15 мая 2025 г. Шуя : Шуйский филиал ИвГУ, 2025. С. 52–55.

20. *Старовойтова Е. О.* Китай в российской сатирической прессе времен Русско-японской войны // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2021. Т. 11, № 4. С. 1023–1044.

21. *Суворин А. С.* Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). М., 2005. 572 с.

22. *Сурский И. К.* Отец Иоанн Кронштадтский. М. : Отчий дом, 2008. 719 с.

23. *Хлодов В. А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. в восприятии населения Орловской губернии (по данным орловской прессы) // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. (42). С. 111–123.

24. ЦГИА СПб (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). Ф. 2219. Оп. 1. Д. 1.
25. ЦГИА. СПб. Ф. 2219. Д. 14 б.
26. ЦГИА. СПб. Ф. 2219. Д. 14 в.
27. ЦГИА. СПб. Ф. 2219. Д. 30.
28. ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 34.
29. ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 48.
30. ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 50.
31. ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 59.

"It Is Grievous, Sad, and Bitter in the Heart of a Patriot": The Russo-Japanese War in Letters to Saint John of Kronstadt

Orlov Maksim Aleksandrovich
PhD in History, Petersburg Lyceum. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-4663-9443.
E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Abstract. The Russo-Japanese War of 1904–1905 became a multidimensional conflict in which military events and the internal political development of the Russian Empire were closely intertwined. The article for the first time introduces into scholarly circulation letters to John of Kronstadt written to him in connection with the events of the Russo-Japanese War. In the historiography, John of Kronstadt's correspondence relating to the events of this war has not yet been studied. The large number of letters sent to John of Kronstadt during the war with Japan was due to the considerable authority this priest acquired at the turn of the 19th and 20th centuries. In his sermons and written epistles, John of Kronstadt regularly addressed the events in the Far East and shaped in people his own vision of the confrontation between Russia and Japan. For this reason, the authors of the letters frequently display similar views of the war. An analysis of the documents has made it possible to identify the images of the war: of Russia, of Japan, of the emperor, and of John of Kronstadt himself. The perception of the military conflict is a kind of mirror reflecting the letter-writers' conceptions of authority and of the clergy (on the example of John of Kronstadt). It is shown that at the beginning of the 20th century most people had a vague notion of Japan. The Russo-Japanese War was closely connected with the revolutionary events of 1905, and therefore John of Kronstadt's correspondents compared the Russo-Japanese War with the First Russian Revolution. A distinctive feature of the letters is that they contain almost no criticism of the authorities for the failures in the war with the Japanese. Defeats are regarded as God's punishment for the sins of the people. Such a view of the war was characteristic of John of Kronstadt himself.

Keywords: the Russo-Japanese War, John of Kronstadt, Port Arthur, military psychology, the image of war.

References

1. *Bol'shakov N. I. Istochnik zhivoj vody. Zhizneopisanie svyatogo pravednogo otca Ioanna Kronshtadtskogo* [The Source of Living Water. A Life of the Holy Righteous Father John of Kronstadt]. SPb., Carskoe delo, 1995. 855 p.
2. *Vorob'eva E. A. "Prekrasnaya strana Yaponiya, prekrasnaya strana Rossiya": formirovanie i vospriyatie obraza vraga* ["Beautiful Japan, Beautiful Russia": The Formation and Perception of the Image of the Enemy] // *Idei i idealy* – Ideas and Ideals. 2018. No. 1, Vol. 1. Pp. 164–182.
3. *Gromyko M. M., Buganov A. V. O vozzreniyah russkogo naroda* [On the Views of the Russian People]. M., Palomnik, 2000. 541 p.
4. *Zhukova L. V. Vospriyatie Yaponii v Rossii nakanune Russko-yaponskoj vojny* [The Perception of Japan in Russia on the Eve of the Russo-Japanese War] // *Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya : sb. st.* [Russia and the World Through Each Other's Eyes: From the History of Mutual Perception : A Collection of Articles]. M., ROSSPEN, 2002. Is. 2. Pp. 341–356.
5. *Il'yashenko F. A. Otec Ioann Kronshtadtskij v vospriyatii sovremennikov : dis. ... kand. ist. nauk* [Father John of Kronstadt in the Perception of His Contemporaries : dis. ... PhD in History]. M., 2004. 225 p.
6. *Ioann Kronshtadtskij. Put' k Bogu* [John of Kronstadt. The Path to God] // *Ioann Kronshtadtskij : sb.* [John of Kronstadt : A Collection] / comp. by V. A. Desyatnikov. M., 1992. Pp. 129–176.
7. *Ioann Kronshtadtskij. Neizdannyj dnevnik. Vospominaniya episkopa Arseniya ob otce Ioanne Kronshtadtskom* [John of Kronstadt. An Unpublished Diary. Bishop Arseny's Reminiscences of Father John of Kronstadt]. M., Blagotvoritel'noe bratstvo vo imya Vsemilostivogo Spasa, 1992. 59 p.
8. *Kicenko N. B. Svyatoj nashego vremeni: otec Ioann Kronshtadtskij i russkij narod* [A Saint of Our Time: Father John of Kronstadt and the Russian People]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 390 p.
9. *Konovalova N. A. Obraz samoderzhaviya v predstavleniyah russkogo krest'yanstva po fol'klornym materialam* [The Image of Autocracy in the Conceptions of the Russian Peasantry According to Folklore Materials] // *Vestnik Omskogo universiteta* – Herald of Omsk University. 2007. No. 4. Pp. 121–126.

10. *Laryuel' M. "Zheltaya opasnost'" v rabotah russkih nacionalistov* [Laruelle M. The "Yellow Peril" in the Works of Russian Nationalists] // *Russko-yaponskaya vojna 1904–1905. Vzglyad cherez stoletie : mezhdunar. ist. sb.* [The Russo-Japanese War of 1904–1905. A View Across a Century : An International Historical Collection] / ed. by O. R. Ajrapetov. M., Tri kvadrata, 2004. Pp. 579–591.

11. *Novikova S. A. Obraz vojny v voennyh korrespondenciyah i publicistike Vas. I. Nemirovicha-Danchenko v period russko-tureckoj (1877–1878) i russko-yaponskoj (1904–1905) vojn: syuzhety i rol' obshchestvennyh stereotipov v ego formirovanii* [The Image of War in the War Correspondence and Journalism of Vas. I. Nemirovich-Danchenko During the Russo-Turkish (1877–1878) and Russo-Japanese (1904–1905) Wars: Plots and the Role of Social Stereotypes in Its Formation] // *Vestnik PSTGU. Seriya Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi* – St. Tikhon's University Review. Series: History. History of the Russian Orthodox Church. 2014. Is. 1 (56). Pp. 84–96.

12. *Odincov M. I. Ioann Kronshtadtskij* [John of Kronstadt]. M., Molodaya gvardiya (The Young Guard), 2014. 349 p.

13. *Prebyvanie ikony "Torzhestvo Presvyatye Bogorodicy" v gor. Vladivostoke i otpravleniya ee v Port-Artur* [The Stay of the Icon "The Triumph of the Most Holy Mother of God" in the City of Vladivostok and Its Dispatch to Port Arthur] // *Vladivostokskie eparhial'nye vedomosti* – Vladivostok Diocesan Gazette. 1905. No. 2. Pp. 31–36.

14. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 796. Op. 442. D. 2290.

15. RSHA. F. 1622. Op. 1. D. 470.

16. *Svyatoj pravednyj Ioann Kronshtadtskij : dnevnik. T. 26* [Saint John of Kronstadt the Righteous : A Diary. Vol. 26]. M., Svyato-Troickaya Sergieva Lavra, 2020. 343 p.

17. *Senyavskaya E. S. Psihologiya vojny v XX veke: istoricheskij opyt Rossii* [The Psychology of War in the 20th Century: The Historical Experience of Russia]. M., ROSSPEN, 1999. 382 p.

18. *Senyavskaya E. S. Chelovek na vojne: opyt istoriko-psihologicheskoj harakteristiki rossijskogo kombatanta* [Man at War: An Attempt at a Historical-Psychological Characterization of the Russian Combatant] // *Otechestvennaya istoriya* – Russian History. 1995. No. 3. Pp. 7–16.

19. *Serbinenko V. G. Vojna v vozzreniyah svyatogo pravednogo Ioanna Kronshtadtskogo* [War in the Views of Saint John of Kronstadt the Righteous] // *Tradicii i novacii v sovremennom kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve vektor razvitiya : sb. materialov nauch.-prakt. konf., Shuya, 15 maya 2025 g.* [Traditions and Innovations in the Contemporary Cultural and Educational Space: A Vector of Development : Proceedings of a Scientific-Practical Conference, Shuya, May 15, 2025]. Shuya, Shujskij filial IvGU, 2025. Pp. 52–55.

20. *Starovojtova E. O. Kitaj v rossijskoj satiricheskoj presse vremen Russko-yaponskoj vojny* [China in the Russian Satirical Press of the Russo-Japanese War Period] // *Novejshaya istoriya Rossii* – Modern History of Russia. 2021. Vol. 11, No. 4. Pp. 1023–1044.

21. *Suvorin A. S. Russko-yaponskaya vojna i russkaya revolyuciya. Malen'kie pis'ma (1904–1908)* [The Russo-Japanese War and the Russian Revolution. Little Letters (1904–1908)]. M., 2005. 572 p.

22. *Surskij I. K. Otec Ioann Kronshtadtskij* [Father John of Kronstadt]. M., Otchij dom, 2008. 719 p.

23. *Hlodov V. A. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. v vospriyatii naseleniya Orlovskoj gubernii (po dannym orlovskoj pressy)* [The Russo-Japanese War of 1904–1905 in the Perception of the Population of Oryol Province (According to the Oryol Press)] // *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* – Scientific Notes of Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2011. No. 4 (42). Pp. 111–123.

24. CSHA SPb (Central State Historical Archive of St. Petersburg). F. 2219. Op. 1. D. 1.

25. CSHA SPb. F. 2219. D. 14 b.

26. CSHA SPb. F. 2219. D. 14 v.

27. CSHA SPb. F. 2219. D. 30.

28. CSHA SPb. F. 2219. Op. 1. D. 34.

29. CSHA SPb. F. 2219. Op. 1. D. 48.

30. CSHA SPb. F. 2219. Op. 1. D. 50.

31. CSHA SPb. F. 2219. Op. 1. D. 59.

Поступила в редакцию: 26.02.2026
Принята к публикации: 09.09.2026